

Уехать, чтобы остаться

НИКА ЛЕИНБЕРГ

Ника Леинберг

Уехать, чтобы остаться

<https://litres.ru/74087338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она уехала навсегда. В шумный мегаполис, где её ждали карьера, свобода и новая жизнь. Он остался в их старой квартире — один на один с тишиной, эхом половиц и матерью, которую нельзя оставить. Пять лет любви, общих привычек, общего дома — и один билет в один конец. Теперь между ними километры, редкие звонки и невысказанные слова, что ранят сильнее крика. Расстояние не просто разделяет — оно обнажает трещины, которые годами прятались под бытом. И однажды встаёт вопрос: можно ли вернуться к человеку, если ты сам себя потерял в пути? Роман о любви, которая должна либо выдержать разлуку, либо отпустить навсегда.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Поезд в один конец	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ника Леинберг

Уехать, чтобы остаться

Пролог

За три дня до отъезда чемодан переехал из кладовки в прихожую и встал там, как немой укор, как гость, которого не звали, но который всё равно пришёл. Майя купила его специально для этой поездки — большой, твёрдый, на четырёх колёсиках, цвета мокрого асфальта. Она выбирала его долго, сравнивала модели, читала отзывы, и Даня почему-то запомнил этот вечер: она сидела на диване, скрестив ноги, и сосредоточенно листала сайты, а он смотрел на неё и думал, что она уже наполовину там, в этом своём большом городе, хотя ещё даже билет не купила.

Чемодан стоял раскрытый, и Майя заполняла его постепенно, методично, как будто собирала не вещи, а доказательства того, что она уезжает. Сначала — свитера и джинсы, аккуратно свёрнутые в рулоны, как она научилась из какого-то видео. Потом — косметичка, фен, несколько пар обуви в тканевых мешках. Потом — книги. Всего три: одна по специальности, потрёпанный томик Бродского и маленький сборник рассказов, который Даня подарил ей на второй день

рождения, отмеченный вместе. Она положила сборник поверх вещей, и это было единственное, что он воспринял как жест в свою сторону.

В последний вечер они почти не разговаривали. Не потому, что поссорились, — ссоры не было, была только усталость, скопившаяся за недели подготовки, и странная неловкость, повисшая между ними, как воздух перед грозой. Майя заказала пиццу, они съели её на кухне, сидя друг напротив друга, и каждый думал о своём. Даня хотел спросить: «Ты уверена?» — но не спросил, потому что ответ был очевиден. Майя хотела сказать: «Я вернусь», — но не сказала, потому что кто знает, что будет через полгода.

Ночью они лежали в постели, и нейтральная полоса между ними, которая давно уже стала привычной, вдруг показалась Дане невыносимой. Он протянул руку и накрыл её ладонь своей. Майя не отдернулась, но и не ответила — просто позволила его пальцам лежать на её коже, и он не понял, было это прощанием или обещанием. Через несколько минут она задышала ровно, и он понял, что она уснула.

Утром пришло такси.

Вокзал встретил их запахом железной дороги — смесью мазута, выпечки и чужого парфюма, — и гулом, который поглощал отдельные голоса и перемалывал их в один непрерывный шум. Майя шла впереди, катя чемодан за собой, и

Даня плёлся следом с её рюкзаком в руках. Он нёс его, как несут чужую ношу — не по обязанности, а потому что больше нечего нести.

— Четвёртый путь, — сказала Майя, сверяясь с билетом в телефоне. — Нам туда.

Они поднялись по эскалатору, миновали турникеты и вышли на платформу. Поезд уже стоял — длинный, тёмно-синий, с блестящими окнами, в которых отражалось низкое октябрьское небо. Проводница у вагона проверяла билеты, очередь двигалась медленно, и у них оставалось ещё несколько минут.

Майя остановилась и повернулась к Дане. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и вдруг показался ей очень молодым и очень потерянным — таким, каким она увидела его впервые, в очереди в МФЦ, с папкой, набитой чужими документами.

— Ну вот, — сказала она. — Кажется, пора.

— Да. Наверное.

Пауза. Она поставила чемодан на колёса, чтобы не держать на весу, и шагнула к нему. Обняла — крепко, но быстро, как обнимают перед дальней дорогой, когда боятся рас-

плакаться. Даня уткнулся лицом в её волосы, вдохнул запах — её шампунь, тот самый, с ароматом ромашки, который стоял у них в ванной уже пять лет, — и вдруг почувствовал, как к горлу подступает ком. Он сглотнул.

— Звони, когда доедешь, — сказал он хрипло.

— Обязательно. Ты там это... не запускай квартиру. И корми фикус.

— Фикус я кормлю. Это ты его вечно забываешь полить.

Она улыбнулась — уголками губ, чуть грустно, — и он увидел, что у неё покраснели глаза. Она тоже сдерживалась. Это почему-то немного утешало: значит, ей не всё равно. Значит, она тоже чувствует этот разрыв, эту натянутую нить, которая вот-вот лопнет.

— Ладно, — сказала Майя. — Я пойду.

Она взяла у него рюкзак, надела на плечи, подхватила чемодан и шагнула к вагону. Проводница мельком глянула на билет, кивнула, и Майя скрылась внутри. Даня остался на платформе.

Он стоял и смотрел на окна поезда, пытаясь угадать, в каком из них появится её лицо. Прошла минута, две. Люди вокруг суетились, прощались, обнимались, а он стоял, как

столб, и чувствовал, как холодный октябрьский ветер забирается под куртку. Наконец в одном из окон мелькнул её силуэт. Майя нашла своё место, приподняла чемодан на полку, села и посмотрела в стекло. Их взгляды встретились.

Она подняла руку — ладонь прижалась к стеклу изнутри. Даня поднял свою. Между ними было метра три платформы, вагонное стекло и нарастающий гул поездных двигателей.

Поезд дёрнулся, лязгнул сцепкой и медленно поплыл вдоль перрона. Даня пошёл рядом с вагоном, сначала шагом, потом быстрее, почти бегом, но состав набирал ход, и через несколько секунд её окно уплыло вперёд, а он остался стоять на краю платформы, глядя, как хвост поезда уменьшается и растворяется в серой дымке за вокзалом.

Всё.

Он развернулся и пошёл к выходу. Мимо турникетов, мимо ларьков с пирожками, мимо таксистов, которые предлагали подвезти. Вышел на привокзальную площадь, остановился. Город жил своей жизнью, и до него никому не было дела.

Дома его встретила тишина. Он закрыл дверь, снял ботинки, прошёл на кухню. На столе стояла её кружка — та самая, с трещиной на ободке, из которой она пила чай в последнее утро. Кружка была пустая, но Даня не стал убирать её в раковину. Просто тронул пальцами край и оставил как есть.

Квартира молчала. Но эхо — эхо её шагов, её голоса, её

смеха — ещё не выветрилось. Оно висело в воздухе, как пыль в солнечном луче, и Даня стоял посреди прихожей, слушая, как дом привыкает к отсутствию одного из своих жильцов.

Где-то в стенах загудел ветер. Половица под ногами скрипнула — басовито, жалобно, как контрабас, который забыли в пустом оркестровом зале.

Он прошёл в спальню и лёг на кровать, не раздеваясь. Её половина была холодной. Он положил руку на подушку, туда, где ещё вчера лежала её голова, и закрыл глаза.

До её звонка оставалось двенадцать часов.

Глава 1. Поезд в один конец

Поезд тронулся, и перрон поплыл назад — медленно, почти торжественно, как декорация в театре, которую увозят за кулисы. Майя сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как удаляется фигура Дани. Он стоял на краю платформы, опустив руки, и не махал — просто стоял, провожая взглядом состав. Через несколько секунд его силуэт превратился в тёмное пятно, а потом и вовсе растворился в серой массе вокзала.

Она откинулась на спинку сиденья и выдохнула. В купе, кроме неё, пока никого не было — соседи ещё не сели, и она была благодарна этой короткой передышке. Можно было не держать лицо, не изображать бодрость, не делать вид, что всё в порядке. Всё было не в порядке. Она только что оставила на перроне человека, с которым прожила пять лет, и уезжала в город, где не знала ни души. И билет у неё был в один конец.

Она сама так решила. Не потому, что разлюбила, — или разлюбила? — а потому, что задыхалась. Потому, что их жизнь стала слишком тесной, слишком предсказуемой, слишком маленькой для неё. Потому, что каждый день был похож на предыдущий, и она с ужасом представляла, что так пройдёт ещё десять лет, двадцать, вся жизнь. Она не хотела жалеть. Она хотела жить.

И вот теперь она сидела в поезде, увозившем её прочь,

и чувствовала не облегчение, а страх. Липкий, холодный страх, который поднимался откуда-то из живота и заполнял всё тело. Правильно ли она поступила? Не сломала ли она то, что нельзя склеить? Имела ли она право? Эти вопросы крутились в голове, как заевшая пластинка, и на каждый она отвечала себе одно и то же: «Я должна была. Я не могла иначе».

За окном потянулись пригороды — серые панельки, гаражи, пустыри, заросли кустов вдоль железной дороги. Октябрьское небо висело низко, и свет был таким, будто кто-то прикрутил яркость. Майя смотрела на этот пейзаж и думала о том, сколько раз они с Даней ездили на электричках за город. Это было в первые годы — они тогда ещё не устали друг от друга, ещё не превратились в двух людей, которые молча сидят за ужином и думают каждый о своём. Тогда им казалось, что весь мир принадлежит им. Теперь мир сузился до размеров их квартиры, и даже в этой квартире они умудрялись не пересекаться.

Она расстегнула рюкзак, достала книгу — тот самый сборник рассказов, что Даня подарил на второй её день рождения, отмеченный вместе, — и открыла наугад. Буквы поплыли перед глазами. Она прочитала один абзац, второй, но смысл ускользал. Захлопнула книгу и убрала обратно. Не сейчас. Она ещё не готова была прикасаться к тому, что связано с ним.

Поезд набирал ход, и стук колёс становился всё громче,

всё ритмичнее. Майя закрыла глаза и отдалась этому ритму. Он убаюкивал, заглушал мысли. И она, сама того не заметив, провалилась в сон — впервые за несколько дней нормальный, глубокий, без сновидений.

Проснулась она оттого, что кто-то тронул её за плечо. Проводница — женщина лет сорока с усталым лицом и пучком на затылке — протягивала ей стакан в подстаканнике.

— Чай? — спросила она буднично.

— Да, спасибо, — Майя села, потёрла глаза, взяла стакан. Чай был горячим и сладким, и она пила его маленькими глотками, чувствуя, как тепло разливается по телу.

За окном уже темнело. Поезд мчался мимо каких-то деревень, и в окнах домов горели редкие огни. Майя смотрела на эти огни и думала о том, что в каждой из этих точек кто-то живёт, кто-то ждёт, кто-то любит. А у неё теперь — никого. То есть, конечно, у неё оставались родители, друзья, коллеги. Но главного человека — того, с кем она просыпалась и засыпала, — больше не было. И не потому, что он умер или ушёл, а потому, что она сама от него ушла. Это было другое одиночество — выбранное добровольно, но от этого не менее горькое.

Она достала телефон. Сообщений от Дани не было. Она набрала короткое: «Еду. Всё хорошо». Подумала и добавила:

«Ты как?» Отправила. Ответ пришёл через минуту: «Нормально. Дома. Буду ложиться». И всё. Ни «скучаю», ни «возвращайся», ни «береги себя». Просто «нормально». Майя смотрела на это слово и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она знала: его «нормально» ничего не значит. Так он отвечал всегда — когда был расстроен, когда болел, когда ему было плохо. Это слово было его щитом, и она раньше умела за него заглядывать. Теперь — не хотела. Или не могла.

Она убрала телефон в карман и снова отвернулась к окну. Там, за стеклом, в темноте, проносилась чужая жизнь. А её собственная жизнь сейчас была подвешена между прошлым, которого она лишилась по собственной воле, и будущим, которого она ещё не знала.

В тот же час Даня сидел на кухне и смотрел на её кружку. Кружка стояла на столе — та самая, с трещиной на ободке, из которой Майя пила чай в последнее утро. Он не убрал её в раковину. Не мог. Ему казалось: если он её вымоет и поставит на полку, это будет означать, что он принял её отъезд. А он не принял. Он вообще до конца не верил, что она уехала. Навсегда.

Это слово — «навсегда» — она произнесла вчера вечером, когда они сидели на кухне и молча пили чай. Она сказала: «Даня, я уезжаю навсегда. Я не вернусь». Он тогда кивнул, как будто это ничего не значило. Как будто она сказала «я пойду в магазин» или «я завтра позвоню». А теперь это

слово висело в воздухе, как топор.

Почему он не бросился за ней? Почему не сказал: «Я поеду с тобой»? Он знал ответ, и ответ этот был постыдным, жалким, недостойным. Он не мог поехать. Не потому, что не хотел, — он хотел. Но в нём сидел страх. Страх перед переменами, перед неизвестностью, перед тем, что в большом городе он окажется никому не нужен со своей профессией звукорежиссёра, со своим опытом, со своей неловкостью. Здесь у него была работа — студия, клиенты, коллеги, — а там пришлось бы начинать с нуля. И ещё были обязательства: мать, оставшаяся одна после смерти отца, которой нужна была помощь, и не просто помощь, а постоянное присутствие, хотя бы в одном городе. Мать жила на другом конце их нынешнего города, но всё же он мог доехать до неё за сорок минут, а если случится что — бросить всё и примчаться. Из большого города он бы не успел.

Он никогда не говорил об этом Майе. Ему казалось, что это прозвучит как оправдание. Что она скажет: «Ты прячешься за свою мать, чтобы ничего не менять». И, возможно, она была бы права. Возможно, мать была лишь удобным предлогом для того, чтобы остаться в зоне комфорта. Но правда была сложнее: он действительно не мог бросить мать, и он действительно боялся. Два этих факта существовали одновременно, не отменяя друг друга.

Он взял кружку в руки и повертел. Чай давно остыл, на дне осталась тёмная гуща. Он встал, подошёл к раковине и

вылил остатки. Но мыть не стал — просто поставил кружку на сушилку.

Квартира молчала. Но эхо — эхо её шагов, её голоса, её смеха — ещё жило здесь. Даня прошёл в гостиную и остановился у окна. За окном горели фонари, и мокрый асфальт блестел в их свете. На подоконнике стоял фикус — тот самый, который они вместе покупали три года назад в цветочном магазине у метро. Майя тогда сказала: «Этот цветок будет жить, пока мы вместе». Дурацкая примета, но она в неё верила. Даня коснулся листа — он был сухим, и земля в горшке потрескалась. Он не поливал фикус уже неделю. Машинально налил воды из графина, и вода впиталась с тихим шипением.

— Ну вот, — сказал он вслух. — Теперь мы вдвоём.

Эхо подхватило его голос и разнесло по комнате. Вдвоём — с кем? С фикусом? С тишиной? С самим собой, которого он давно перестал понимать?

Он включил телевизор, просто чтобы был звук. На экране что-то мелькало — новости, реклама, ток-шоу, — но он не вникал. Сидел на диване и смотрел сквозь изображение, как смотрит человек, потерявший точку опоры.

В спальне было холодно. Он лёг на свою половину кровати и повернулся лицом к стене. Её половина пустовала, и он физически ощущал эту пустоту — как будто в комнате не

хватало воздуха. Он вспомнил, как в последнюю ночь перед её отъездом они лежали молча, и он накрыл её ладонь своей. Она не ответила, но и не отдернула руку. Что это было? Жест прощания? Или надежда? Теперь он никогда не узнает.

Он закрыл глаза и попытался заснуть. За стеной, у соседей, играла музыка — глухо, едва слышно, только басы. Где-то наверху скрипнула половица. Вода в трубах издала знакомый стон. Дом жил своей жизнью, и эта жизнь теперь не имела к Дане никакого отношения. Он был здесь чужим — гостем, который задержался, но скоро уйдёт.

Утром поезд прибыл на конечную станцию. Большой город встретил Майю шумом, светом и толчеёй. Она вышла на перрон, волоча за собой чемодан, и на секунду замерла, ослеплённая масштабом. Вокзал был огромен — стеклянные своды, эскалаторы, толпы людей, спешащих в разные стороны. Всё гудело, двигалось, дышало. После тишины купе этот шум казался оглушительным.

Она медленно пошла к выходу, лавируя между пассажирами. Чемодан то и дело застревал, колёса цеплялись за стыки плитки, и она уже начинала жалеть, что взяла такой большой. Но в этом чемодане была вся её жизнь — точнее, та часть жизни, которую она решила забрать с собой. Остальное она оставила Дане. Книги, которые не поместились. Зимние сапоги, которые она не любила. Несколько общих фотографий, которые она не смогла выбросить, но и везти не хотела. Она оставила их на полке в гостиной, и теперь они стояли

там, как немые свидетели того, что было.

На привокзальной площади она остановилась. Город не называл себя — он просто был. Огромный, чужой, манящий. Высотки уходили в небо, проспекты разбегались в разные стороны, и везде — движение, свет, жизнь. Майя вдохнула полной грудью. Воздух пах бензином, кофе и чем-то ещё — то ли морем, то ли близкой рекой. Это был запах нового.

Она достала телефон, открыла карту, нашла адрес квартиры, которую сняла заранее. Это было далеко от центра, в спальном районе, но ей не нужен был центр. Ей нужно было простое, функциональное место, где она могла бы спать, есть и работать. Остальное не имело значения.

Такси довезло её за полчаса. Квартира оказалась на двенадцатом этаже панельной башни — маленькая, светлая, с минимумом мебели. Белые стены, ламинат, пластиковое окно. Ничего лишнего. Майя вошла, поставила чемодан у двери и огляделась. Здесь пахло ремонтом — свежей краской и чем-то химическим. Она открыла окно, впустила холодный октябрьский воздух.

В этой квартире не было эха. Это первое, что она заметила. Звуки здесь гасли быстро, не отражаясь от стен. Ни скрипа половиц, ни гула труб, ни загадочного звона, похожего на колокольчик. Тишина была другой — стерильной, безликой. В старой квартире тишина была живой, она дышала и разговаривала. Здесь — молчала.

Майя села на диван и закрыла глаза. Она сделала это. Она

уехала. Теперь начиналась новая жизнь, и никто не мог сказать, какой она будет.

Она достала телефон и набрала сообщение Дане: «Я на месте. Квартира маленькая, но нормальная. Как ты?» Ответ пришёл через полчаса: «Нормально. Работаю». И снова это слово. «Нормально». Майя смотрела на экран и чувствовала, как внутри поднимается злость. Почему он не пишет ничего настоящего? Почему он всегда прячется за эти короткие, ничего не значащие слова? Она хотела написать: «Ты вообще меня любишь? Ты вообще что-то чувствуешь?» — но не стала. Вместо этого она набрала: «Я позвоню вечером» — и убрала телефон.

Вечером она не позвонила. Слишком устала. Разбирала вещи, раскладывала их по полкам, мыла посуду, которую купила в ближайшем супермаркете. Завтра у неё начиналась работа — новая должность, новый офис, новые коллеги. Ей нужно было подготовиться. Нужно было выспаться. Нужно было собраться. А звонок Дане — это всегда эмоции, всегда боль, всегда разговоры, которые ничем не заканчиваются. Она отложила звонок на завтра.

А потом и на послезавтра.

Даня прождал её звонка весь вечер. Сидел с телефоном в руках, листал ленту, смотрел на часы. Девять вечера, десять, одиннадцать. Она не звонила. Он хотел написать ей, но гордость не позволяла. «Если я ей нужен, она позвонит сама», — говорил он себе. И тут же думал: «А если нет?».

Он вспомнил, как они познакомились, — нелепо, случайно, в очереди МФЦ. Как он перепутал папки с документами и как она смеялась, глядя на его растерянное лицо. Как они просидели четыре часа в крошечной кофейне, и он рассказывал ей о своей работе — о звуках, о тишине, о том, как он записывает шум дождя для кино. Она слушала его так, как никто никогда не слушал, — с неподдельным интересом, с распахнутыми глазами, и ему тогда показалось, что он нашёл человека, который понимает его без слов.

Теперь слов не было. Ни от неё, ни от него. Только эхо в пустой квартире.

Он встал, прошёл на кухню, открыл холодильник. Еды почти не было — он забыл сходить в магазин. Закрыв дверцу, налил воды из-под крана и выпил. Потом пошёл в ванную, почистил зубы, умылся. В зеркале отражалось его лицо — осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Он выглядел старше своих тридцати четырёх. Он выглядел как человек, который только что потерял что-то важное и ещё не осознал этого до конца.

Он лёг в постель и уставился в потолок. На потолке была трещина — тонкая, извилистая, как высохшее русло реки. Они заметили её в первый же день, когда въехали в эту квартиру, и Майя тогда сказала: «Это наша линия жизни». Он посмеялся, но запомнил. Теперь он смотрел на эту трещину и думал: если это линия их жизни, то куда она ведёт? В тупик? В пропасть?

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как дом дышит, и в этом дыхании ему слышался упрёк.

Где-то далеко, в другом городе, Майя тоже не спала. Она стояла у окна своей новой квартиры и смотрела на огни ночного города. Их было так много, что небо казалось не чёрным, а оранжевым от зарева. Она думала о том, что завтра у неё первый рабочий день. Что ей нужно показать себя. Что она никому здесь не нужна и никто её не ждёт. Что она свободна — абсолютно, пугающе свободна.

И ещё она думала о том, что Даня не звонит. Что он, наверное, уже лёг спать. Или сидит в наушниках, сводит какой-нибудь трек. Или утешается тем, что теперь никто не оставляет свет в коридоре. И от этой мысли ей становилось тоскливо — так тоскливо, что хотелось завывать.

Но она не завывала. Она просто задвинула шторы и легла спать.

Так закончился первый день их жизни порознь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.